

Зачем они приходят в этот мир?..

С. КРОТОВ

В ОЗМОЖНОСТЬ ТВОРЧЕСКОГО ОТКРЫТИЯ... Это дано всем. Каким-то шифром в человека заложен мощнейший аппарат – не приспособления, не мимикрии, а постижения, разгадывания мира, обустройства его через собственные постоянные открытия. Если это устремление обжечь, осечь – раз, другой, третий, – оно уходит, забивается куда-то, в пятку, в мизинец ноги, и вы никогда человека уже не растормошите, ничему его не научите. Никогда человеком – в том смысле, в каком это заложено, – он уже не станет.

Как это ни парадоксально, ребенок – едва ли не единственное подлинно творческое существо. В том самом своем первородном состоянии, в котором он явился миру и открыл глаза, уши... Он все познает, все изучает, ничто его не пугает, не останавливают никакие правила, заборы, пределы. В рисунке ребенка, одном из первых его художественных опытов, уже просматриваются какие-то неожиданные сочетания, безбоязненность, смелость. Проявляется то, что в ребенке уже есть, – бесконечная палитра возможностей.

Именно поэтому человека в детстве надо как можно дольше оставлять наедине с собой, с природой, со своими органами чувств, которые не просто так ему даны. Они же за всю эволюцию как-то отработывались, отбирались, отлаживались. И образование, как мне кажется, призвано по возможности максимально продолжить это каждодневное «открывание», живущее в ребенке самовидение, самоудивление, сохранить некое внутреннее подвижное увеличительное стекло. Иначе дальше включается система образования, построенная на ограничительности и запретительности (я имею в виду, конечно, не поведенческие вопросы), возникают «нельзя», «это надо так» и прочее... Начинается эра приборов, устройств, кем-то уже сконструированных для того, чтобы он, взглянув сквозь стеклышко микроскопа, вдруг увидел, что у букашки, допустим, шесть ножек. Но куда более плодотворно было бы для него, будущего, чтобы каким-то чудом он вдруг набрался наглости и сам захотел изыскать способ обнаружить те же шесть ножек, но собственным способом!

Если мы говорим о человеческой личности не абстрактной, а живой, детской, не зачахнувшей, творческой, то мне представляется, что каким-то хитрым, тонким образом с самых исходных пор человека надо увлечь, раззадорить, может быть, иногда охладить

или, напротив, поднять температуру, но создать условия, при которых формирование этого «чего-то» происходило бы в его душе наиболее оптимально. Жизнь короткая, и чем благоприятней будут эти условия, тем больше человеку откроется. Человек научается только сам. И в этом, мне кажется, корень всего. Только тогда, когда он сам почувствует, сделает, добьется, поймет что-то, он может сказать: «Да, я научился». И это не то же самое, что удачно повторить, скопировать. Это должно прорасти, проклюнуться, стать своим. А это зависит только от себя самого. От учителя – лишь в той степени, в какой он этому поможет, вовремя подтолкнет, вызовет ту сидящую внутри возможность. Он должен выступить в роли дирижера-импровизатора, виртуозно прикасающегося к регистрам детской души...

Хорошо известно, что обучать можно только тех, кто к этому имеет склонность. Но парадокс в том, что тот, кто к знаниям предрасположен, все равно к ним так или иначе, рано или поздно придет. Необходимо лишь максимально благоприятствовать общей ситуации, в которой ребенку открывается мир. Направлять, но, по возможности, невидимо. Присутствовать, но не явно, давая действовать в основном самому. Ребенок способен пройти лабиринт познания уже потому, что в нем на генетическом уровне есть устройства, для этого предназначенные.

Мы делаем детей заложниками, если указываем им только одну дорогу, заведомо обрекая на то, что они дойдут до тех вершин, которые уже открыты. Не с того мы начинаем учить. Например, основные понятия физики. Ведь это прежде всего – время, пространство, свет... Надо не бояться прививать ощущения смысла во всем. Людей же, обучая, как правило, максимально отдаляют от того, что это такое, превращают познание в некое упражнение на запоминание. Все начинается с формализации, сухих определений, отсекая с порога саму возможность блуждания мысли, ее круги, зигзаги... Все направлено на то, чтобы создать некий желоб, по которому потом потечет мысль.

Но это ли главное? А где размышления, рассуждения, вопросы? Солнце взошло. А что если когда-то не взошло (как, например, полярной зимой)?! Где эти всякого рода фантазии, пусть даже дурные, но подкрепляемые реальными парадоксами, противоречиями? По какому такому праву мы, порой не задумываясь, загоняем безбрежный простор детских фантазий в